

Е. М. Гашкова¹

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СЕМЕЙНЫХ РЕЛИКВИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Обращаясь вновь и вновь к научному и публицистическому наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева, каждый раз убеждаемся в его провидческих сло-

¹ Старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Основы теории коммуникации» (в соавт.), «Экзистенциально-онтологические основания антропологии цельности», «Антропология цельности как проблема», «Цивилизационная идентичность и культура», «Условия формирования личности в контексте киберантропологии», «Models of self-identification in digital communication environments», «University educational environment in the information exchange agents evaluations» и др. Член Российского философского общества.

вах. Как никогда становятся актуальными его призывы к молодому поколению о сохранении исторической и культурной памяти. В знаменитых «Письмах о добром» две главы (письма № 40 и 41) посвящены именно этой теме. «„Запас“ памятников культуры, „запас“ культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей степени умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры»². Современный че-

² Лихачев Д. С. Письма о добром / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука ; СПб. : LOGOS, 2006. С. 179. (Литературные памятники).

ловек уповаает на новые технологии, особенно цифровые, которые успешно делегируют функцию хранения информации «облачным технологиям». Кроме огромных баз данных там находятся и всевозможные формы проявления субъектности. Перевод внешних процессов в виртуальность, корректировка аватара в соцсетях, создание фейков и дипфейков искажают не только реальность, но и историческую память, которая приобретает симулятивную природу. Культура и искусство обязаны фиксировать субъективность; коммуникация с конкретными произведениями, артефактами культуры в окружающей действительности, а особенно в семье — это ключ к нравственно-эстетическому формированию личности.

Стремительно меняющийся «дигитальный» мир, мир цифровых технологий и гаджетов, требует от юзера-пользователя, то есть потребителя, постоянного отслеживания новинок рынка, обновления устройств, знакомства с новыми программами и приложениями. Этот же самый мир диктует необходимость самопиара, демонстрации успехов, привлечения внимания к своей персоне любыми способами. Возможности хранения информации увеличиваются по экспоненте, хотя сами устройства для хранения уменьшаются, а то и вовсе исчезают «в облаке».

Однако путешествие в мир иллюзий практически всегда индивидуально, несмотря на то, что для удовлетворения потребностей в духовной сфере в настоящее время собираются колоссальные по объему данные, которые при определенной обработке выдают предложения о просмотре, путешествии, выборе, покупке чего-либо с учетом ваших интересов. Такое манипулирование, зачастую слишком прямолинейное, настораживает, раздражает и провоцирует на сокрытие своих предпочтений, если пользователь думает о своей приватности. «Не влезайте в душу ближнего с ногами, даже если вы их вытерли» — гласит психологическая мудрость. Цифровые технологии пытаются «влезть» в нашу душу всеми возможными ресурсами, да и сам пользователь порой наивно, порой с мазохистским удовольствием делится со всем миром деталями своей жизни, а потом удивляется хейтерству или «разводу» мошенниками. Недаром публицист Игорь Шнуренко назвал свою последнюю книгу «Человек взломанный»¹.

Минимализм как стиль архитектуры, дизайна и как художественный метод вполне созвучен цифровой футурологии, поскольку мир реальных предметов, потребностей человека все больше поглощается виртуальной средой. Трудно представить обычного молодого человека-юзера, окруженного статуэтками, салфетками, книжными стеллажами во всю стену, фотографиями предков и картинами в рамках, а также прочими неизменными деталями уютного мира «старой, олдскульной» повседневной жизни. С точки зрения оптимизации жизненных задач и принципа мобильности это вполне оправдано: внутренний мир — это вы сами и коробочка смартфона, которая всегда с вами. «В виртуальном мире происходит слияние субъекта и симу-

лякра, а технологические успехи в создании все более смешанных форм реальной и виртуальной действительности приводят в своеобразный тупик, где невозможно различить означаемое и означающее»². Жизненная, профессиональная или образовательная траектория должна быть ориентирована на весь мир, тем более что погруженность в виртуальность и использование цифровых технологий позволяет с этим миром сотрудничать и контактировать не выходя из дома, и двухгодичный пандемийный этап продемонстрировал это со всей очевидностью.

Культура, и особенно искусство, продолжает фиксировать субъективность и в определенной степени помогает «потребителю» детализировать личное бытие, сопрягая его со всеобщим. Поиски «своего», уникального, вписанного в течение времени существования (экзистенции) позволяют художнику использовать для самовыражения практически все. Однако мир вещей хрупок, непрочен, тленен, а столовое серебро и бриллианты, переданные по наследству, вряд ли можно встретить у обитателей «человейников».

Исторические катаклизмы и природные катастрофы — важнейший маркер системы ценностей. На арт-биеннале «Манифеста 10» в Эрмитаже (2014) невозможно было не включиться в размышления о судьбе произведений искусства в обычной, частной истории человека/семьи, когда разбираешься по обломкам разрушенного дома-инсталляции «Срез» Томаса Хиршхорна, швейцарца по происхождению. Напомню, что «показ» разрушенного многоэтажного дома с оставшимися без стен комнатами при всей своей прямолинейности имел еще один важный подтекст. Среди руин и обломков на самом верхнем этаже, на боковых неразрушенных стенах интерьеров остались висеть картины художников-авангардистов. Если вы обладаете хорошим зрением, то узнаете картины К. Малевича, П. Филонова, О. Розановой; как и положено в Эрмитаже — это подлинники. Т. Хиршхорн — участник многих арт-групп с политической повесткой, лауреат премий М. Дюшана и Й. Бойса — в последние годы транслирует одну мысль: «Искусство — это о том, как люди живут друг с другом»³.

Сохранение произведений искусства в музее — норма исторической памяти; сохранение подлинных художественных артефактов для обычного дома — культурная доминанта, историческая поколенческая память семьи, опора в мире преходящих ценностей. Однако при катастрофических событиях перед любым человеком встает проблема выбора, извечная нравственная дилемма в дискуссиях, кого спасти: близкого или «Джоконду»? Для обычного человека очевидно, что спасти нужно близкого человека, но для человека культуры не все так однозначно, поскольку своей жизнью можно пожертвовать и ради другого, и ради иде-

² Гашкова Е. М. Симулякр, фейк, дипфейк: прогресс или регресс? // Актуальные проблемы современной политической науки : сб. науч. тр. / под ред. М. С. Арканниковой. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 97.

³ «Мое положение здесь далеко не выгодно, а совесть не чиста»: интервью В. Леднева с Т. Хиршхорном // Артгид. 2014. 22 июля. URL: <https://artguide.com/posts/635-tomas-khirschkorn-moie-polozhieniie-zdies-dalieko-nie-vyghodno-a-soviest-nie-chista> (дата обращения: 30.04.2022).

¹ Шнуренко И. Человек взломанный. М. : Наше завтра, 2021. 456 с.

алов. Музейщики спасали бы артефакты, библиотекари — книги, ученые — свои коллекции из экспедиций и научные результаты.

Становится все меньше бережно хранимых артефактов семейной истории. Исчезли перевязанные пачки писем от близких, записки любимых, поздравительные открытки от родственников и друзей — теперь их место заняли мессенджеры для переписки и готовые электронные открытки со стандартными спам-текстами. Не стало солидных семейных альбомов с летописью событий и памятными фотографиями, либо снятыми специально в фотоателье, либо любительскими невысокого качества — на смену пришли фотосессии, результат которых сразу оформляется в любом масштабе и материале. Никто не хранит подшивки журналов и вырезки из газет, не собирает рецепты, не переписывает тексты песен в толстые тетради-песенники, не ведет дневников в бумажном виде — «одно сплошное телевиденье», то бишь цифровые носители. «Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, свое село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной оседлости

человека. Человек — это не степное растение перекапти-поле, которое осенний ветер гонит по степи.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»¹.

Если в семье есть художественные ценности, иконы, картины, артефакты, созданные профессионально и дилетантски, произведения различных декоративно-прикладных искусств, награды предков, то сохранение и передача их от поколения к поколению реально помогает фиксировать историческую память. Через межкультурный ретроспективный диалог в коммуникации с семейными художественными артефактами происходит формирование не только эстетических ориентиров и вкусов, но и духовно-нравственных качеств личности, закрепление семейных ценностей, пробуждение интереса к истории своей страны.